

Данни
ГРАНИН

Сочинения в двух томах

ТОМ ПЕРВЫЙ

Искатели

Эта странная жизнь

ТОМ ВТОРОЙ

Иду на грозу

Зубр

ЭТА СТРАННАЯ ЖИЗНЬ

Роман,
повесть

Самм

СТРАННАЯ

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г77

Художник — Андрей Рыбаков

Фотография автора на переплете Валерий Плотников

Гранин, Даниил Александрович.
Г77 Сочинения. В 2 т. Т. 1. Эта странная жизнь; Искатели : [повесть, роман] / Даниил Гранин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 704 с. — (Предметы культа).

ISBN 978-5-17-982847-1 (Т.1)
ISBN 978-5-17-983099-3

В двухтомнике Даниила Гранина представлены его произведения, объединенные темой науки, научных изысканий и нравственного поиска, смысла жизни. В первый том «Эта странная жизнь» вошли роман «Искатели» и повесть «Эта странная жизнь» о выдающемся биологе А.А. Любищеве.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982847-1 (Т.1)
ISBN 978-5-17-983099-3

© Д.А. Гранин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ДАНИИЛ ГРАНИН — ЧЕЛОВЕК СВОБОДЫ

В двухтомнике, который вы держите в руках, собрано несколько известных произведений Даниила Гранина — «Иду на грозу», «Искатели», «Зубр» (об ученом Н.В. Тимофееве-Ресовском), «Эта странная жизнь» (о биологе А.А. Любищеве).

Писатель Даниил Александрович Гранин для людей моего поколения — человек-легенда, олицетворяющий эпоху той страны — СССР (родился в 1919 году).

Пробовал перо еще в студенческие годы, но началась война, и выпускник Ленинградского политехнического института ушел на фронт. Всю блокадную зиму он находился в окопах под Пушкином. Закончил войну в Восточной Пруссии. Прошел войну от ополченца до лейтенанта, от Ленинграда до Кенигсберга. Как говорится, отвоевал «от звонка до звонка». Но удивительно, что о войне стал писать не сразу, а по истечении почти шестидесяти лет.

Начал печататься в 1949 году и почти сразу стал, по сути, классиком в отечественной литературе. Изначально в первых своих работах он обращался к жизни послевоенного поколения. Ярким событием стали его произведения

«Искатели», «Иду на грозу». В них ему удалось показать творческую интеллигенцию из когорты инженеров. Не сегодняшних «наноискателей», а истинных инженеров, создавших великую промышленность нашей страны, ставшей второй мировой державой в этой области. И в кратчайшие сроки — после кровопролитной войны.

Хорошо бы об этом знала нынешняя молодежь. Отраднo, что в нашей семье с трепетом относятся к истории. Мой сын Владимир, с серебряной медалью окончивший среднюю школу, выпускное сочинение писал по произведению Даниила Гранина «Иду на грозу».

Много лет спустя, ко всеобщей нашей радости, мы познакомились с автором и бережем в библиотеке книгу с его автографом.

Явлением литературной жизни страны стало произведение «Зубр» об ученом Н.В. Тимофееве-Ресовском, чье имя долго было под запретом. Пришедшееся на время перестройки, оно не носило антисоветский характер, как многие «вырвавшиеся из-под цензуры» труды. «Зубр» — философское произведение о науке, смысле жизни. Этот роман, выскажу свою точку зрения, достоин Нобелевской премии.

Потрясением для моего поколения стала «Блокадная книга», написанная Даниилом Граниным совместно с Алексеем Адамовичем. В Ленинграде первый секретарь обкома Г. Романов запретил ее издавать. Вышла она в журнале «Новый мир» в 1977 году, с большими купюрами цензоров.

Долгие годы в нашей стране замалчивали подлинную картину этих событий. Упор был сделан на героизацию подвига ленинградцев.

После выхода «Блокадной книги» в «Лениздате» в 1984 году авторов, пожертвовавших малым, долго упрекали за сокращенный вариант, не понимая, что именно Д. Гранин сумел прервать завесу молчания и рассказать миру о страшной трагедии века, которая коснулась и нашей семьи.

Время оказалось милостиво к Даниилу Гранину. В 2014 году 95-летний писатель по приглашению Бундестага выступил

в Берлине с беспощадной речью, после которой зал встал и замер.

Даниил Александрович до недавнего времени общался с Ангелой Меркель, во многом не соглашаясь с ней, полемизируя. Он остается великим гражданином своей страны, ни в чем ее не предав и не поступившись своей позицией.

Я, как военный человек, особенно чутко воспринимаю его «лейтенантскую прозу» — «Мой лейтенант» — и мемуарную — «Все было не совсем так».

В романе «Мой лейтенант» девяностолетний писатель посчитал, что пришло его время взглянуть на войну изнутри, из траншей и окопов. На фоне тягот, ужасов и неприглядности войны автор дает возможность выговориться простому лейтенанту. Одному из тех, кому мы обязаны свободой и Победой.

В семьях фронтовиков слышали, наверное, такие вот непричесанные рассказы. Мне довелось узнать о суровой правде войны от тестя — Героя Советского Союза, сапера В.М. Игнатьева. Такие же острота и боль звучали в его рассказах.

А совсем недавно Даниил Александрович написал книгу... о любви. «Она и все остальное» — это искренняя, честная проза, которая многих тронула за живое, как все, написанное Мастером. Внутренняя свобода — качество, любимое автором. Он его исповедовал и в жизни, и в творчестве: будь то роман или документалистика...

Последняя встреча с Даниилом Александровичем Граниным произошла во время Санкт-Петербургской книжной ярмарки, одним из инициаторов которой он был. Он сказал, что пишет новую книгу, книгу о чудесах. И когда я спросил, что это значит, Д.А. пояснил: «Разве не чудо, что я воевал и остался жив, написал столько книг, имею столько друзей...»

СЕРГЕЙ СТЕПАШИН

Президент Российского книжного союза

ИСКАТЕЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дверь распахнулась резко, уверенно, и на пороге лаборатории появился высокий, широкоплечий молодой человек. Голова его немного не доставала до притолоки. Солнце сквозь подмороженные окна било ему прямо в глаза, заставляя прижмуриться: от этого крупные, грубоватые черты его бледного лица обозначились еще резче. Сунув руки в карманы брюк, заправленных в белые бурки, он внимательно и как бы торжественно осматривал лабораторию.

Ветер ворвался за ним, взъерошив его светлые, закинутые назад волосы, помчался дальше, перебирая бумажки на столе у инженера Новикова, вырвав скользкую шумную кальку из рук Лени Морозова, вздувая белыми пузырями оконные занавеси.

Морозов недовольно обернулся и крикнул:

— Закройте дверь! Не лето.

Оба его помощника тоже обернулись. Монтер Петя Зайцев, которого за малый рост все звали Пекой, — с лю-

бопытством, старший лаборант Саша Заславский — с досадой. Толстое добродушное лицо его сморщилось, он с силой заскреб свои жесткие курчавые волосы, стараясь восстановить сбитый ход мыслей.

Второй час они испытывали присланный в срочный ремонт осциллограф, разыскивая причину повреждения. Вернее, это был не осциллограф, а сложная осциллографическая схема для специальных измерений. На молочном экране прибора вместо волнистой змейки упорно дрожало размытое зеленое пятно. Саша вздохнул. Разгадка каприза этой проклятой установки была бы вот-вот нащупана — и опять исчезла...

Напротив стенда, где испытывалась установка, за письменным столом работал инженер Новиков. Вошедший не спеша притворил дверь и направился было к нему, но в это время из соседней комнаты появился пожилой сутуловатый мужчина.

— Внимание! — тихо предупредил товарищей Пека Заицев. — На нас надвигается Кривицкий.

Старшего инженера Кривицкого из-за его острого, злого языка остерегался даже техник Леня Морозов, которого вся молодежь лаборатории считала отчаянным парнем.

— Придется разбирать всю установку, — деловито сказал Морозов, складывая кальку.

— Опять на два дня мороки, — нахмурился Саша. — Неужели нельзя найти порчу не разбирая?

Им осточертел этот ремонт. Не успели кончить одно, хвататься за другое. Полная анархия производства. Следовало бы поставить этот вопрос перед Майей Константиновой.

— Вопрос не прибор, — оборвал их разглагольствования Морозов. — Вопрос простоят долго.

Между тем Кривицкий, задержавшийся возле стола Новикова, вопросительно смотрел на посетителя.

— Могу я видеть товарища Устинову? — спросил тот.

— Майя Константиновна на совещании в местком.

— Вы по какому вопросу? — спросил Новиков, откладывая перо. — Из райкома?

— Нет, я... по личному делу.

Он произнес это с заминкой, но спокойно и почему-то весело; в его поведении тайлось что-то непохожее на поведение случайного посетителя.

— Разрешите ваш пропуск, — сказал Кривицкий.

— «Лобанов Андрей Николаевич», — прочел он, шевеля тонкими бледными губами, потом показал пропуск Новикову. Нет, эта фамилия им ничего не говорила.

— Вы подождите, — посоветовал Новиков. — Майя Константиновна, вероятно, скоро придет.

Лобанов присел возле столика с надписью «Начальник лаборатории». Столик был стиснут с одной стороны шкафом, с другой — стендом.

— Интересно, как там Майя Константиновна воюет, — сказал Новиков, следя за Лобановым. — На этот раз к нашим показателям не придерешься.

— Показатели — это всего лишь арифметика, — отозвался Кривицкий. На его сухом, вытянутом лице была прочно впаяна желчная усмешка, всегда несколько смущавшая Новикова.

— Вы закоренелый скептик.

— Правдивые слова не бывают приятны, приятные слова не бывают правдивыми, — сказал Кривицкий. — Вы собираетесь когда-нибудь испытывать предохранители?

— Не собираюсь, — с удовольствием ответил Новиков. — Мне поручено составить инструкцию. Это куда приятней, чем без конца испытывать одни и те же предохранители.

— Вас, очевидно, прельщает не сама инструкция, а последняя строка: «Составил инженер Новиков».

— А хотя бы и так, — засмеялся Новиков, сдувая пушинку с рукава своего тщательно отглаженного костюма. — Во всяком случае, это более творческая работа.

Стройный, щеголеватый, он располагал к себе какой-то откровенной беззаботностью. Кривицкий улыбнулся одними губами:

— Вы никогда не открыли бы своего призвания к составлению инструкций, если бы не ваше желание оправдать свое легкомыслие.

Новиков пожал плечами, ему не хотелось продолжать этот рискованный спор в присутствии постороннего. И Новиков, и Кривицкий снова посмотрели на Лобанова. Он сидел, закинув ногу на ногу, не проявляя никаких признаков нетерпения, с интересом прислушивался к перебранке Лени Морозова со своим помощником, к разговору Новикова с Кривицким и внимательно, с каким-то откровенным интересом изучал помещение лаборатории. Новиков тоже огляделся, пытаясь представить себе впечатление постороннего человека от лаборатории.

В этот предвечерний час центральная комната лаборатории должна была показаться особенно красивой. Жаркими красками вспыхивали в закатных лучах зимнего солнца кусочки прозрачно-желтого янтаря, синие копыя стрелок, монтажные панели, перевитые огненными жилками красной меди, серебристые столбики конденсаторов. На полках теснились высокие катушки проводов в пестрых шелковых нарядах изоляции. Над ними висели огромные выпрямительные лампы. Их зеркальная поверхность отражала синие квадраты окон с оранжевой лентой заката. Повсюду на приземистых столах лежали еще не ожившие, не связанные мыслью детали. Воздух был пропитан сложной застарелой смесью запахов канифоли, шеллачного спирта, озона, костяного масла. Неповторимый, свой запах для каждой лаборатории.

Новиков мечтательно прищурился, пробуя увидеть и себя среди этой живописной, деловито-внушительной обстановки: молодой, красивый, скромный научный работник, разбросанные по столу бумаги, мучительное творческое раздумье...

Кривицкий рылся в пыльной куче наваленных деталей. Он не видел в них ничего живописного. Просто старый хлам, в котором никогда не найти нужную вещь. И вся лаборатория тесная, неудобная: низкий закопченный потолок, громоздкие устарелые стенды, ветхие неудобные шкафы.

Заметив брезгливую усмешку Кривицкого, Новиков озабоченно взглянул на часы, прошел к столу начальника лаборатории и, присев на край стола, начал звонить по телефону. В лаборатории было шумно. Гудели генераторы, из соседней комнаты доносился визгливый скрежет электродрели. Новиков повторял в трубку:

— Олечка, вы меня слышите? Ровно в девять. Да нет, в девять.

Прикрыв микрофон рукой, он крикнул чубатому пареньку:

— Пека, скажи, чтобы там выключили этот душетерзатель!

Кривицкий подошел к технику:

— Ну, Морозов, как дела?

Морозов задумчиво поправил золоченый зажим вечного пера в кармане кожаной куртки. Очевидно, пробился конденсатор. Придется менять.

Его подручный, лаборант Саша Заславский, сказал:

— Третий раз у них пробивается конденсатор... Может, надо чего-нибудь в схеме переделать?

— «Чего-нибудь», — передразнил его Морозов, — тоже мне мыслитель.

Они заспорили. Кривицкий молчал.

— Прошу прощения, — вдруг обратился к ним Лобанов. Он встал. — Разрешите мне полюбопытствовать?

Морозов нехотя покосился в его сторону:

— Чего тут любопытного?

Лобанов улыбнулся. Улыбка у него была широченная, на все лицо.

— Да просто ручки повертеть.